

Факты свидетельствуют и довольно убедительно говорят, что Чэн Сун не заслуживает большого доверия в реальной жизни – как только Шаошан с готовностью забралась в семейный экипаж, то сразу же и обнаружила отсутствие жаровни.

В разгар зимы экипаж без печки был просто мерзлым и холодным чуланчиком, исключая защиту от ветра, он попросту не был годен для всего остального. В конце концов Шаошан внизу, около колес, нашла войлочную накидку и немедленно завернулась в нее, продолжая трястись от холода и жестоко раскаиваясь в том, что только что не взяла печку и шерстяное одеяло у Юань Шэня.

Чэн Сун, услышав, как его младшая сестра расчихалась, очень встревожился и все быстрее подгонял коня, к счастью, отрезок пути от семьи Чэн к семье Вань нельзя было считать слишком большим. Все больше беспокоясь, он безжалостно подгонял лошадей, увидев вблизи главные ворота резиденции Вань, Чэн Сун повернулся и радостно сказал внутри экипажа:

– Няня, не волнуйся! Уже все, уже все!

Шаошан уже так замерзла, что у нее потекли сопли, но, услышав его слова, она поспешно распахнула боковую дверь экипажа. Под холодным ветром она увидела кружок людей, столпившихся перед главным входом резиденции Вань. Они стояли, окружив тучного, с выпяченным животом и красным лицом пьяного человека – Вань Сунбая, как будто он в это время провожал посетителя.

Солнце уже село, по краю горизонта был едва различим отсвет закатных лучей, и как раз в это время постепенно опускалась вечерняя мгла. Толпа людей перед воротами резиденции Вань четко разделялась на две части – черных и белых, как на рисунке в центре которого "рыбки инь-ян", а по окружности триграммы багуа. Та группа людей в ярких и изящных одеждах, довольно посмеивающихся, без малейших сомнений состояла из сопровождающих и слуг семьи Вань.

Другая группа, больше десяти человек, в свою очередь были телохранителями, одетыми в черные одежды и черные же доспехи, у каждого в руках были арбалет, на поясе тяжелый меч, за спиной стрелы с белым оперением, искрясь под проникающим до мозга костей холодным дуновением неба, действительно напоминали фразу «холодный свет освещает кольчугу».

Они видели, как стремительно несли к ним экипаж, и вдруг все услышали шелестящий звук – все охранники потянулись к поясу, вытащив наполовину холодно блестящие мечи, но все же чего-то почтительно ожидая; молодой человек из их окружения с немного квадратной челюстью вышел вперед и строгим голосом спросил:

– Ты кто?

Чэн Сун очень удивился, он изо всех сил натянул поводья и одновременно крикнул:

-Дядя Вань – это я, это же я...

Экипаж как раз в этот момент закачался и наклонился, и Шаошан испугалась, ошибочно думая, что вот-вот попадет в древнюю автомобильную катастрофу, сильно стиснув раму, она боялась отпустить ее.

Вань Сунбай, наполовину очнувшийся от своего пьяного состояния из-за испуга, быстро замахал руками и громко сказал:

-Ай-яй, это не... не то, господин Лин, это свои люди, мои собственные племянник и племянница... не нужно драться, не нужно драться...

В это время толпа людей в черных доспехах разделилась на две части, и из нее появился одетый в черный цюйцзюй и чанпао молодой мужчина. Очень высокая фигура с наброшенным на плечи черным шерстяным плащом, скрепленным подвеской из шелковых золотых нитей и застегнутым черным нефритом, на его руках были солидные, инкрустированные золотом нарукавники с перчатками.

Он, кажется, посмотрел на Шаошан, а потом чуть-чуть согнулся, подняв руки в знак приветствия, и сказал Вань Сунбаю:

-Господин сегодня пьян, завтра я засвидетельствую почтение еще раз, – после этого, откланявшись, он развернулся и ушел.

Невдалеке стоял огромный совершенно черный блестящий лакированный экипаж, на белом снегу выделялись две высокие черные лошади, и даже конские уздечки были сделаны из черного как смоль плавленного железа. Он поднял правую руку, прежде чем сесть в карету. Охранники в черных доспехах вокруг него вложили мечи в ножны и окружили экипаж, который был в три раза больше экипажа семьи Чэн. Они сели на лошадей и уехали прочь.

Брат и сестра семьи Чэн были полумертвыми от страха и не могли пошевелиться, Шаошан почувствовала, что просто приварилась к раме экипажа.

Вань Сунбай проводил долгим взглядом черный экипаж, поспешно выйдя вперед:

-Почему вы двое здесь? Ай-ай, Няня, твое лицо, что случилось... ха-ха! Ха-ха-ха... определенно это твоя матушка тебя так... незачем бояться, я пойду к младшему брату и поговорю с ним...

Чэн Сун еще не пришел в себя от испуга, трясаясь, помогал спуститься с экипажа младшей сестре, а услышав, громко сказал:

-Дядя, ты опять! Не надо каждый раз, когда ты видишь у нас травму, говорить, что матушка

бьет нас!

Шаошан, задыхаясь от ярости, сказала:

-Пусть бы даже матушка ударила меня, дядя, но ты, увидев, что матушка избила меня, так обрадовался!

Вань Сунбай очевидно достаточно много выпил, находясь в доме семьи Инь, он говорил путанно, вот только его ум все еще не отупел, и он, хихикая, сказал:

-Не нужно так упрямиться, даже если отметины на твоём лице оставила и не твоя матушка, но ты сегодня пришла сюда скрываться от нее! Ладно!.. Не нужно застыть на месте, входи быстрее, быстрее входи...

.....

В семье Вань много слуг и рабов, выезжая с внушительной и пышной свитой, они и близко не стояли с семьей Чэн.

Тринадцатая сестрица Вань, только услышав, что приехала Шаошан, обрадовалась, будто получила неожиданный сюрприз, и тут же выбежала ее приветствовать. Встретившись в главном дворе, Шаошан обнаружила, что молодую барышню Цици со всех сторон окружают около двадцати служанок – впереди четверо, показывая дорогу, несли фонари, четверо позади при всем параде держали в руках коробки из парчи, и восемь вокруг поднимали высоко круглые фонари, а еще у некоторых были в руках пылающие факелы.

Шаошан долго не находила слов, потому что наряду с этим почувствовала себя невыразимо бедной. Дочь семьи только вышла из своих комнат в главный двор осведомиться о здоровье пришедшего человека, но внешний эффект был таким, как будто глава государства выезжал в инспекционную поездку. Она сама, убежав из дома, прибыла в это большое жилище с пустыми руками – ей и впрямь недоставало знаний и опыта, как в той поговорке, где государыня-матушка в восточном дворце пекла большие лепешки, за один раз пекла две, одну присыпала сахаром, вторую посыпала солью, прямо говоря – это было такое расточительство.

У Вань Цици были доброе открытое сердце, держа в руках лицо Шаошан, похожее на свиную голову, она осматривала его и с левой и с правой стороны, не выдержав нарастающего чувства грусти, поспешно приказала своим слугам, поддерживая Шаошан, отвести в свой домик. К тому времени, когда они прибыли в ярко освещенный дворик, Шаошан в страхе обнаружила, что у тринадцатой сестрицы еще имеются не меньше тридцати или сорока слуг. А затем она получила оздоровительные процедуры на уровне бриллиантовой кредитки.

Расчесав тяжелые волосы, ей попарили ноги в теплой воде, потом очень горячим платком прикрыли колени и пальцы рук, а затем нанесли увлажняющую кожу мазь, переодели в пахнущую фимиамом одежду – целый набор услуг! Шаошан почувствовала себя очень комфортно, как если бы она вторично перевоплотилась, удовлетворенно вздохнув, в душе

почувствовала досаду: почему же у дяди Ваня нет сына, она обязательно сама попросила бы отца Чэна отдать ее замуж в эту семью!

В этом мире пока еще не было системы рангов чиновничества, служебная иерархия была более многочисленная, и больше использовалась для различия чинов на высший и низший, и жизнь кое-кого кроме того все еще зависела от нескольких мер риса! Например, семья Вань, из поколения в поколение их клан проживал на территории уезда Суй и был знатным родом, обрабатываемые земли и поместья охватывали две десятых площади всего уезда. В долгосрочной перспективе ее собственный отец, несмотря на то, что имеет большие возможности повышения на службе, нежели дядюшка Вань, однако в настоящее время семья Чэн не может сравниться в богатстве с семьей Вань.

Вань Цици стояла, уперев руки в бока в центре комнаты, с одной стороны, проклинала Инь Сюэ – чтобы по всему ее лицу высыпала оспа и она до скончания веков не излечилась от нее, с другой стороны, командовала служанками, похожими на рабочих муравьев, окруживших и заботящихся о Шаошан. Завершив приводить ее в порядок, она повела совершенно обновленную Шаошан навестить пожилую госпожу Вань.

Весь путь Шаошан была охвачена беспокойством, она про себя четко понимала, что кроме слуг, уволенных госпожой Сюэ, в этом мире лишь Гэ-ши и эта пожилая госпожа Вань имели возможность раскрыть ее непринадлежность этому телу. Несмотря на то, что это было первый раз за несколько лет, она все не переставала беспокоиться об этом. Кто же знал, что войдя в новую версию Залы Милосердия, она, прежде внешне спокойная, вздрогнет от испуга, увидя пожилую госпожу Вань.

Внутри комнаты струился аромат курительных свечей и пахло лекарственными травами. Госпожа Вань сидела на коленях рядом со старой женщиной, подавая ей какое-то лекарство.

Волосы пожилой госпожи Вань были белыми, однако контур овального лица по-прежнему был весьма четким, нос прямой, губы пухлые, поясница и спина вытянутыми в струнку, и можно было еще увидеть, что в молодости она была прелестной и имела отважный характер, только... оба ее глаза были закрыты, а веко правого было впалым, и стало очевидно, что глазного яблока под ним уже нет, также не хватало и уха с левой стороны.

Несмотря на то, что свечи горели ярко, однако лицо старухи перед ее глазами имело какую-то странность, которую нельзя было объяснить словами, к счастью, лицо Шаошан было все в синяках, которые не прошли до сих пор, в противном случае люди определенно бы рассмотрели на ее лице нескрываемое изумление. Она твердо решила говорить мало.

Одежда пожилой госпожи Вань была простой, она не использовала ювелирные изделия из жемчуга и самоцветов, лишь материал для одежды был мягким и приятным на вид, волосы были собраны в обычный узел, и в него вставлена деревянная шпилька. В комнате было мало мебели по принципу "лучше мало", явно из заботы о незрячем человеке, и, например, появление таких предметов как нефритовая курильница не допускалось.

Шаошан с достоинством поклонилась пожилой госпоже Вань, выразив свое почтение.

Госпожа Вань повернулась и сказала со смехом:

-Шаошан приехала. На этот раз останься подольше, хотя бы на несколько дней. Старшие сестры Цици все до одной вышли замуж, и, возвратившись обратно в столицу, она целыми днями бездельничает и скучает. Вы, две маленькие сестрички, можете вместе заниматься каллиграфией или читать вслух...

Едва услышав «заниматься каллиграфией», первой мыслью Шаошан было – уж лучше бы она принесла сюда бамбуковые дощечки госпожи Сяо и писала бы здесь! Кто же знал, что Вань Цици начнет кричать:

-Какие иероглифы? Я хочу обучить Шаошан езде на лошади! И еще, пусть матушка осмотрит лицо Шаошан, это все из-за тех, кто носит фамилию Инь...

-Цици, почему бы тебе не снять все эти украшения с тела? – внезапно заговорила пожилая госпожа Вань: – Наступил уже вечер, а ты все еще звенишь с головы до ног, разве это слишком тяжело?

Госпожа Вань фыркнула, Шаошан еле сдерживала смех. В самом деле, хотя и дома, тринадцатая сестрица по-прежнему была в роскошной одежде и украшениях, и то золотое ожерелье, украшавшее ее подобно гирлянде на рождественской елке, продолжало громко звенеть так, что даже слепой не мог оставить это без внимания.

Вань Цици пристыженно оправдывалась:

-Разве бабушка не знает, сейчас, в столице все так наряжаются?..

-Ты мне отыщи и приведи хоть одну молодую барышню, наряженную также, как и ты, и бабушка подарит тебе такой же комплект жемчугов и драгоценностей, как этот на тебе, но если ты не найдешь подобную себе – ты подаришь мне свои, – холодно сказала пожилая госпожа Вань.

Вань Цици поникла, очень жалостливо она посмотрела на мать, госпожа Вань притворилась, что не заметила. Но так совпало, что как раз в это время с разлитой по лицу улыбкой в зал вошел генерал Вань. Он привел себя в порядок, и от него не исходил тот перегар, который был получасом назад.

-Шаошан, второй племянник уже вернулся домой, мне все ясно – ты можешь остаться здесь на несколько дней, пока более или менее гнев твоей матушки не рассеется.

Шаошан поспешно поклонилась, благодаря дядю Ваня. Благодаря синякам на всем лице, ей теперь даже не нужно было симулировать смущение, все равно никто не мог этого понять.

Вань Сунбай очевидно слышал недавние слова матери, повернувшись, сказал:

-Матушка, твои глаза уже плохо видят, на самом деле у Цици очень красивый наряд...

Вань Цици, подняв голову посмотрела на отца, ее глаза были полны сияющей радости.

Пожилая госпожа Вань сказала:

-Мне нравится простота, твой отец любил простор, но ты с детства такой, не понимаю, не перепутала ли в прошлом тебя повитуха? Но, Цици определенно не подменили при рождении.

Госпожа Вань и Шаошан опустили голову, стараясь изо всех сил, не засмеяться.

Вань Сунбай причмокнул губами, сказав дочери:

-В таком случае Шаошан все же не стоит морить голодом. Тебе стоит поспешить и немедленно покормить ее... да, попутно смени наряд, и еще, кхе-кхе, в будущем не нужно носить столько вещей...

Вань Цици ответила утвердительно, поникнув головой, попросила разрешение их покинуть и увела за собой еле сдерживающую смех Шаошан.

Вань Сунбай, проводив взглядом двух выходящих из залы девушек, засмеялся:

-Матушка, я сегодня...

-К праздной болтовне вернемся позже. Сегодня с визитом пришел Лин Буйи ни в коем случае не для того, чтобы посмотреть на твое пьяное лицо. Кэ Ши уже ждет тебя в шатровом зале, чтобы проконсультироваться с тобой, иди быстрее.

Вань Сунбай понимал, что это правильное решение, и с тяжелым сердцем ушел.

Посмотрев, как ее муж и дочь ушли, госпожа Вань велела уйти сопровождавшим ее служанкам, сама попробовала целебный отвар и прошептала:

-Свекровь, лекарство чуть-чуть остыло, не подогреть ли его прежде, чем подать вам?

Пожилая госпожа Вань ответила: «Незачем», а затем выпила одним глотком содержимое лаковой пиалы. Госпожа Вань сразу же преподнесла чистую воду для полоскания рта, а потом серебряными палочками подала засахаренный фрукт, однако пожилая госпожа Вань покачала головой, отказываясь от него.

-Замечательно, что все эти маленькие барышни, с которыми Цици ранее завязала знакомство, не прибыли в столицу, и теперь, когда Шаошан вместе с ней, она ни в коем случае не будет кричать каждый день, что отправляется на охоту. В конце концов она и сама маленькая барышня, хотя по возрасту уже ей следует учиться быть честной, скромной и добродетельной...
- опустила голову госпожа Вань, расставляя посуду.

-...говори прямо, - сказала пожилая госпожа Вань, - не ходи вокруг да около. Тем более, что твои обманные маневры не очень умны.

Лицо госпожи Вань покраснело:

-Свекровь, ты не видела ее. Чуть-чуть не сойдясь во мнении, она сразу же стала драться, разве так поступают скромные девушки из знатных семейств? Я понимаю, что слова Сюэ не подходящие, но даже если нанесли такую обиду, есть же другие методы решения вопроса, нет необходимости быть такой резкой и грубой.

-Тогда расскажи - какой способ применить, чтобы уладить этот вопрос? Как можно выпустить гнев, не разрушая при этом дружеские отношения?

Госпожа Вань замялась:

-Я, я не знаю как, но, возможно... уведомила бы старших...

-Если бы даже Юаньши с мужем и узнали бы, как можно разглашать такой пустяк? Максимум велели бы молодую барышню Инь подвергнуть наказанию. Как же тогда отплатить за нанесенное оскорбление?

У госпожи Вань всегда было миролюбивое настроение, а потому она с тревогой сказала:

-Зачем же давать волю эмоциям? Разве нельзя просто немного потерпеть?

-Люди живут эмоциями, если эмоцией не осталось, то ты просто ходячий мертвец.

Госпожа Вань потупилась в молчании.

Пожилая госпожа Вань сказала:

-Разве ты сначала не хотела, чтобы Цици подружилась с Чэн Ян? Однако в этот длинный день она ела рядом с Чэн Ян на банкете, шла вместе с ней, но, возвратясь домой, ты слышала о ней от Цици хоть пару слов? Та неизменно повторяла, что переживает о Шаошан, и сегодня вечером, боюсь, они заснут вместе. Мое мнение было ошибочным, оказывается, ребенок просто прикидывался дурочкой перед Гэ-ши.

Госпожа Вань слегка вздохнула.

-Не делать ничего - совсем неправильно, а если начать делать, то можно совершить ошибки. Хотя, положим, стремление избегать крайностей - полезное решение, но если придерживаться подобных шагов, то это обычное трусливое самосохранение, - сказала пожилая госпожа Вань, - если бы генерал Чэн применял это учение о золотой середине, считаешь, я могла бы позволить Сунбаю и ему стать названными братьями?! В смутное время какой прок от союзника, который не может защитить тебя от открытых ударов и предательских выпадов? Какой прок в этом?

Госпожа Вань в ужасе сказала:

-Свекровь!

-Цици похожа на Сунбая, а Шаошан на генерала Чэна. Они оба – люди с широкими взглядами, не обращающие внимание на мелочи. Недавно Шаошан носила старую одежду Цици, верно? Цици за эти прошедшие два года оставила после себя порядочное количество еще не ношенной одежды, вот только слишком торопясь поприветствовать меня, она прежде не отправилась тщательно осмотреть склад. Сама она с головы до ног – редкая драгоценность, полный дом ценностей, но с почетом обращается с гостьей, носящую свою старую одежду. Так выглядела ли Шаошан плохо?

Пожилая госпожа Вань медленно открыла левый глаз, глазное яблоко уже было непрозрачным, но блеск все еще присутствовал:

-Нет, на мой взгляд, манера поведения этого ребенка была естественной, выразительные глаза были чисты, она не придавала значение всему этому. И дружелюбному поведению Цици была совершенно и естественно благодарна.

Госпожа Вань абсолютно не обратила на все это внимание, но, слушая свекровь, старалась с усилием припомнить, что именно только что видела.

-Больше десяти лет назад мы, впервые прибыв в столицу, приобрели старый заброшенный дом и при подходящем случае подарили крыло здания семье Чэн. По сути это небольшая услуга, однако если бы благородство у этого поколения было ограниченным, неизбежно они могли бы подумать – «Я тебе брат и близок тебе, а ты рассматриваешь меня как слугу и разрешаешь мне с семьей проживать на задворках твоего поместья». Однако, генерал Чэн совершенно не придал этому значение, кроме того, ему понравилось, что он способен сэкономить много средств, а также можно было просить, чтобы наша семья присматривала за женщинами и детьми его семьи. И тогда я подумала просить его, чтобы он воевал рядом с Сунбаем, чтобы я могла быть спокойна.

Этот пример был весьма убедителен, госпожа Вань сказала:

-А ведь это действительно так! Относительно генерала Чэна – он обходится с господином как с настоящим кровным братом, нет-нет, считаю, что даже кровный брат совершенно не может быть таким. Сунбай очертя голову бросался вперед в бой и несколько раз находился в опасности, а генерал Чэн спасал его, рискуя собственной жизнью. В особенности тот раз, да, Цици тогда было восемь лет, и генерал Чэн вернулся весь в крови, неся на спине Сунбая, я испугалась до смерти!

Вспоминая ту ситуацию, она все еще была в ужасе:

-А еще более уникальна Юанъи! Сунбай подвергся такому серьезному ранению, а Юанъи такой жесткий человек, но она бросилась к генералу Чэну и слезы лились из ее глаз. Она не высказала нам ни полслова жалоб.

Пожилая госпожа Вань медленно закрыла левый глаз:

-Выбирать друзей – это не то, что можно просто выбрать сердцем. Следует уметь разбираться в людях, увы, я уже состарилась, надо бы сказать эти слова внуку, однако сейчас здесь я болтаю с тобой...

Госпожа Вань склонила голову в знак покорности:

-Все потому, что невестка немощна и не в состоянии произвести сына.

-Какое ты имеешь к этому отношение, – насмешливо сказала пожилая госпожа Вань, – такова жизнь, из поколения в поколение, предки все были такими, чего нам бояться, когда придет наша очередь... – сказав это, ее тон сразу же изменился, – поэтому ты устремила свой взгляд на многочисленных потомков семьи Инь?

У госпожи Вань от испуга краска отлила от лица, перепуганная насмерть, она поспешила упасть ничком, отбивая земные поклоны:

-Невестка не осмелится!

-Не имеет значения осмелишься ты или нет. Ты с А-Юань подобны родным сестрам, не удивительно, что эта идея затронула твой разум.

Пожилая госпожа Вань легко махнула невестке, чтобы она поднялась с колен:

-Однако ты этого желаешь. Но хочет ли этого Цици, хочет ли Сунбай? В семье Инь немало молодых мужчин, рассчитывающих вступить в армию и достойно нести воинскую службу, мы с семьей Чэн способны помочь им в этом немного. Однако младшее поколение рода Инь процветает, Цици безусловно не бестолковая, но в конце концов ее ждет положение одинокой сироты. К тому времени, когда мы все умрем, все имущество твоего свекра, пожалуй, чего доброго, будет принадлежать семье Инь...

Госпожа Вань была так напугана, что, один за другим отбивая земные поклоны, сквозь слезы говорила:

-Невестка в своем сердце совершенно не имела намерения сотрудничать с конкурентами! Я лишь думала взять в дом зятя, с нашей семьей они почти одинаковы. Разве мне не дали бы согласия? Однако если думать о семье ниже нашей, боюсь, что обойдусь с Цици несправедливо. Вообще говоря, лучше всего подходит семья Чэн, однако у них очень мало взрослых людей, и лишь потому я осмелюсь раскрыть свой рот. Лишь А-Юань, в ее семье так много сыновей в боковых ветвях, и может так случиться, что она согласится...

Пожилая госпожа Вань кивнула в знак согласия:

-Кто-то говорит, что это не так, но искать дочке мужа сложно. Однако я советую тебе все же отложить эту идею. На мой взгляд, Сунбай относится с любовью к дочерям, а предыдущие двенадцать все же хорошо вышли замуж, тем более, это касается Цици – его любимицы, определенно, он выдаст ее замуж, чтобы она наслаждалась жизнью.

Беззвучно плача госпожа Вань сказала:

-Возраст господина уже не маленький, а потомков все еще нет. Если не выберем дочери мужа, возможно ли усыновить? Или так не годится? Однако внутри клана... Сунбай может ненароком обидеть... - она не осмеливалась смотреть на лицо свекрови, потому что причина была в ней самой.

Пожилая госпожа Вань сказала:

-Почему ты так волнуешься об этом? Может так случиться, что ты умрешь раньше меня и Сунбая. Даже закрыв глаза, ты все равно беспокоишься обо всем этом. Если так случится, я свой лавровый гроб с золотыми шелками могу прежде отдать тебе.

Лицо госпожи Вань еще не просохло от слез, она оцепенела, не зная, что будет дальше. Свекровь говорила в своей обычной манере, она за несколько десятилетий так и не привыкла к ней. Пожалуй, лишь уже покинувшему этот мир пожилому господину Ваню она нравилась чрезвычайно.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3313424>